

Бай Циань невольно отступил на несколько шагов, но Гу Яньли, обладавший в таких делах странной проницательностью, схватил его и затараторил:

— Ну и ну, малец! А как быть с тем, что отец из-за тебя меня отлупил? Еще и бежать вздумал? Ты, кроха, даже до колен мне не достаешь, и как только собрался убежать?

Позже, когда Гу Яньли, нахально ухмыляясь, пытался подобраться к нему поближе, Бай Циань лишь игнорировал его. Он со злопамятным прищуром косился на него и с полуулыбкой отвечал:

— Этот кроха даже до плеча господину Яньли не достает, где уж мне смелости набраться, чтобы с вами сближаться.

Глядя на него, Гу Яньли чувствовал, как внутри все зудит, словно от муравьиных укусов, и, не в силах сдержать нахлынувшую нежность, принялся заискивающе лебезить, называя себя лишь пылинкой у ног великого господина, который, мол, должен смириться и пожалеть его.

Бай Циань в этот момент испытывал лишь гнев: «Видно, судьба моя такая — терпеть притеснения от всяких повес!»

Гу Яньли снова хитро сверкнул глазами и распорядился тоном, не терпящим возражений:

— Впрочем, я человек великодушный и прощаю тебя! Твои способности вполне позволяют тебе учиться вместе со мной. Отныне будешь сопровождать меня в чтении, письме, трапезах и развлечениях!

Последние четыре слова были истинным желанием его сердца. Еще в храме Няньхуа, впервые увидев Бай Цианя, Гу Яньли показалось, что лицо его до боли знакомо, словно они встречались в прошлой жизни, а сам он — сошедший с небес маленький бодхисаттва, явившийся, чтобы спасти его душу. Тогда, стоило юному бодхисаттве бросить взгляд в его сторону, Гу Яньли в смятении опустил голову, но в глубине души твердо знал: он смотрел именно на него. Когда двоюродный брат насмешливо заметил: «Вокруг столько людей, с чего ты взял, что он смотрел на тебя? А я вот скажу, что на меня, и что ты сделаешь?», Гу Яньли лишь отрезал: «Я просто знаю».

Однако чтение и письмо давались ему тяжелее, чем восхождение на небо. Куда приятнее было вызвать у Бай Цианя чувство вины, а затем заставить его играть с собой — вот это было истинное наслаждение.

Бай Циань видел, как у Гу Яньли в голове зреют планы, и находил это нелепым: какой же беспардонный тип этот Гу Яньли, сам учиться не хочет, так еще и других в это болото тянет. Бай Циань тут же мысленно призвал Сяо Мэй, чтобы та помогла ему подобрать руководство по противодействию манипуляциям — он собирался штудировать его всю ночь!

Заметив, что Бай Циань молчит и опустил голову, словно не желая продолжать разговор, Гу Яньли занервничал, опасаясь, что перегнул палку. Он с силой подхватил Бай Цианя и усадил

на кушетку, а сам встал рядом, чтобы смотреть ему прямо в глаза. Поняв, что напор не действует, он сменил тактику, и его голос зазвучал тише:

— Ну что, неужели не хочешь? Разве плохо — жить со мной в роскоши? Другие об этом только мечтают! Если хочешь, я даже украду для тебя печать из кабинета отца, поиграешь. Не уходи, останься здесь, разве тебе со мной не весело?

Бай Циань был поражен таким сыновьим почтением и, досадливо потирая переносицу, проговорил:

— Зачем мне печать твоего дяди? Перестань молоть чепуху, если дядя услышит — снова задаст тебе хорошую трепку.

Увидев, что Бай Циань беспокоится о нем, Гу Яньли просиял. Считая, что сейчас он выглядит необычайно обаятельно, он улыбнулся и произвел:

— Тогда не уходи, ладно? Ты будешь здесь спокойно заниматься, а я посижу рядом, мешать не стану. Отец разогнал всех моих молочных братьев, мне здесь так одиноко, даже поговорить не с кем.

Закончив, он уставился на Бай Цианя с таким жалким видом, что тот невольно вспомнил маленького щенка, которого когда-то подобрал — тот смотрел точно так же, когда просил еды. Бай Циань потер глаза: зрелище того, как Гу Яньли в мгновение ока превратился из скалящегося наглеца в брошенного щенка, было почти невыносимым. Ему пришлось кивнуть:

— Я и не собирался уходить, просто ты меня напугал...

Увидев, что Гу Яньли снова расплылся в довольной улыбке, он добавил:

— А как же мой слуга? Теперь-то ты позволишь его отпустить?

Гу Яньли спохватился, широкими шагами подбежал к дверям, распахнул их и крикнул:

— Живо отпустите его, отведите куда-нибудь чаю попить! — Затем он повернулся к Чжулину: — Прошу прощения, брат, мы с твоим господином оказались старыми знакомыми и решили еще поболтать. Иди, отдохни, перекуси, я принесу извинения позже.

Чжулин через щель в дверях увидел кивок Бай Цианя и произнес:

— Я человек низкого звания, как смею называть вас братом? И ваших извинений не заслуживаю.

Увидев, что Гу Яньли небрежно махнул рукой, он поклонился и ушел вслед за слугами клана Гу. Гу Яньли обернулся и приказал всем вокруг:

— Чтобы никто не смел нас беспокоить, пока мы занимаемся!

После чего поспешно захлопнул дверь, словно боясь, что кто-то изнутри сбежит.

Обернувшись, он увидел, что Бай Циань стоит у его письменного стола и просматривает записи. Гу Яньли подошел ближе и невольно покраснел. Его корявый почерк никогда не казался ему чем-то особенным, но под тонкими, нежными пальцами этого божественного юноши он вдруг показался ему позором.

Бай Циань вдруг прыснул со смеху, а заметив рядом Гу Яньли, закусил влажные губы и отвернулся, чтобы скрыть улыбку. Гу Яньли заглянул через плечо, и кровь бросилась ему в лицо — на полях томика Чжуан-цзы, рядом с главой о том, как познать радость рыб, он начертил: «Истинно так, истинно так! Отец — не я, откуда ему знать о моей радости?»

Гу Яньли в суматохе выхватил книгу и швырнул ее под кушетку, пробормотав:

— Подумаешь, от скуки написал, что тут такого? Когда я серьезно берусь за стихи, учитель говорит, что они даже лучше его собственных!

Бай Циань ничего не ответил, лишь улыбнулся, и его глаза превратились в красивые полумесяцы. Чувства Гу Яньли постепенно улеглись. Он никогда не знал, что такое правила, и его руки тут же потянулись к нежным щекам Бай Цианя:

— Ну? Еще смеешься? Пусть ты и силен в науках, но все равно попался мне в руки!

Бай Циань попытался отцепить его пальцы, но был слишком слаб и не смог сдвинуть их ни на йоту. На глазах у него быстро выступили слезы. Гу Яньли испугался и тут же отпустил его. На нежной коже Бай Цианя остались два красных пятнышка, похожих на румяна, отчего он стал выглядеть еще лучше.

Гу Яньли почесал затылок, чувствуя укол совести, и, чтобы скрыть смущение, проговорил:

— Кхм, ну и неженка же ты, малец. Едва коснулся — уже покраснел. Не то что я, у меня кожа толстая. Не веришь — ущипни в ответ!

С этими словами он подставил свое красивое лицо, желая, чтобы они были квиты. Бай Циань, потирая щеку, словно разминая кусок теста, взглянул на Гу Яньли. В его ярких глазах читалось столько ожидания, что Бай Циань подумал: мне восемнадцать, не буду же я спорить с этим недорослем. Он невольно ущипнул Гу Яньли за щеку, вложив всю силу, но кожа того оказалась и впрямь толстой — лишь легкое покраснение, которое тут же исчезло. Гу Яньли был на седьмом небе от счастья, решив, что Бай Циань пожалел его и не стал бить в полную силу.

Они снова сели на скамью и разговорились. Теперь у Бай Цианя было время как следует рассмотреть Гу Яньли. Черные густые волосы, брови, летящие к вискам, яркие, как звезды, глаза, пухлые губы, которые постоянно шевелились в разговоре — чертами лица он пошел в госпожу Шэнь. Госпожа Шэнь была первой красавицей в Столице, и сын унаследовал ее красоту, хотя очертаниями глаз и скул больше напоминал Гу Шаня, а в минуты задумчивости становился похож на него своей глубокой серьезностью. Неудивительно, что госпожа Шэнь души в нем не чаяла — внешность у него была выдающаяся, если бы не этот высокомерный нрав, портящий все впечатление, да еще и привычка болтать всякие глупости.

Гу Яньли то дергал Бай Цианя за волосы, то трогал край его одежды, то склонялся к его шее, внимательно разглядывая амулет-замок долголетия. Наблюдая за выражением лица Бай Цианя, он решил завязать разговор:

— Твой амулет такой старый. Хочешь, я подарю тебе золотой замок в виде бабочки? Он больше и красивее этого.

Видя, что лицо Бай Цианя мрачнеет, он говорил все тише. Гу Яньли искренне хотел одарить его всем самым дорогим, что есть на свете, но реакция Бай Цианя его расстроила — обычно друзья, которым он делал подарки, были в восторге.

Бай Циань снова почувствовал головную боль и, прикрыв амулет рукой, сказал:

— Это приданое моей бабушки, его долго держали перед ликом Будды. Я никогда не снимаю его, кроме как во время купания или сна. Мне не нужно твое золото или серебро.

Услышав это, Гу Яньли понял, что был бестактен, и поспешно извинился. Бай Циань не сердился, но подумал, что этот объект его задания — сущий простак: едва познакомившись, уже готов раздавать золото и серебро. Неудивительно, что в народе его называют транжирой. Впрочем, натура у него оказалась неплохая, а пороки можно со временем исправить. Бай Циань немного успокоился, размышляя, как лучше наставить его на путь истинный.

<http://bllate.org/book/20696/2067691>